

Благодарности

Мои четыре главы в этом томе представляют собой курс лекций, прочитанных в Институте К.Г. Юнга в Цюрихе в течение зимнего семестра в январе 1961 г. Вид глав в книге несколько отличается от лекций; так например, в книге вопросы и ответы сгруппированы, а редакторы перемещали части текстов в соответствующих главах.

Мне хотелось бы выразить благодарность Уне Томас; безукоризненная печать материала, выполненная ею, заложила основу для публикации этих глав. Я также весьма благодарна Мюррею Стайну за ту форму семинара, в которой он существует в настоящее время, вследствие его превосходного редактирования.

Мария-Луиза фон Франц, Январь 1971

Последующие главы этого тома представляют собой результат лекций, прочитанных в течение 1962 и 1963 гг. в Лондоне, Бостоне и Хьюстоне на тему «Чувство», а затем в Институте К.Г. Юнга в Цюрихе в течение летнего семестра на тему «Чувствующая функция». Я заново просмотрел их для этой публикации. Элинор Маттерн записала их на диктофон и отпечатала рукопись, на основе которой я пересмотрел тексты лекций. Маргит ван Лейт Франк тщательно прочла первый вариант рукописи и внесла ряд полезных предложений.

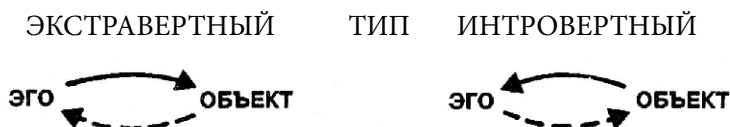
Джеймс Хиллман, Октябрь 1971

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Подчиненная функция
Мария-Луиза фон Франц

Глава 1. Общая характеристика подчиненной функции

Психологические типы — одна из ранних книг Юнга. Он писал ее, являясь во многих отношениях первопроходцем. Со времени ее создания идея четырех функций сознания, обеспечивающих сознательную деятельность человеческой личности, доказала свою огромную продуктивность. Кроме того, эта идея, выдвинутая и развитая Юнгом, по-новому раскрыла религиозную проблему трех и четырех.

Для тех, кто не знаком с данной областью, я должна дать краткий обзор самой структуры четырех функций в юнгианской психологии. Вначале Юнг дифференцировал установки двух типов: экстраверта и интроверта. У экстраверта сознательное либидо обычно направлено на объект, но вместе с тем происходит и скрытое бессознательное контрдействие, направленное обратно к субъекту. В случае же интроверта происходит противоположное: он чувствует себя так, как будто объект постоянно пытается подавить его, вынуждая постоянно отступать. Все буквально наваливается на него, впечатления поглощают все его внимание, но он не осознает, что по причине своей бессознательной экстраверсии тайно обменивается с объектом психической энергии.

Приведенная диаграмма показывает разницу между интровертом и экстравертом. Существование четырех функций — ощущения, мышления, чувства и интуиции, каждая из которых может принимать экстравертную или интровертную форму, приводит к появлению восьми психологических типов: экстравертного мыслительного, интровертного мыслительного, экстравертного чувствующего, интровертного чувствующего и т.д.

Думаю, вы имеете представление о взаимном расположении четырех функций и знаете, что две рациональные функции (мышление и

чувство) противостоят друг другу так же, как и две иррациональные (ощущение и интуиция):

Часто задают вопрос: «Почему должно быть именно четыре функции, а не пять и не три?». Теоретически на него ответить невозможно. Нужно проверять факты и выяснять, можно ли построить другую типологию, ограничившись меньшим числом функций или увеличив их количество. Для Юнга оказалось большим откровением, что он нашел подтверждение своей, скорее, интуитивно родившейся идее о модели четырехмерной структуры психического в том, что в мифах и религиозной символике столь часто встречается модель четырехмерной структуры психического. Изучая поведение своих пациентов, он также находил подтверждение того, что ему, по-видимому, удалось установить базовую структуру относительно основных принципов построения структуры психического. Конечно, базовая структура психического, не сводящаяся только к формам сознания, в общем случае представляется как примитивное проявление бессознательно-го, обычно принимающее вид недифференцированного квартертона. Существуют четыре более или менее однородных принципа или элемента: четыре цвета, четыре угла, четыре бога и т.д. Чем более тесно они связаны с сознанием, тем более они склонны становиться тремя животными и одним человеческим существом или тремя добрыми богами и одним злым. Существуют и более дифференцированные мандалы, в которых четыре полюса четверичной структуры отличаются друг от друга, в особенности, если материалы прорабатываются сознательно и тщательно. В этих случаях часто возникает классическая проблема трех и четырех, о которой так много писал Юнг. Это означает, что когда в этой базовой структуре одна из функций становится сознательной, или становятся сознательными три функции, происходит изменение базовой структуры психического. Ни в психо-

логии, ни в любой другой реальной области не существует односторонне направленного действия — всегда имеется и противодействие, и если бессознательное вторгается в поле сознания, происходят изменения и в структуре самого бессознательного. Поэтому когда в сновидениях или мифах мы обнаруживаем измененную форму базовой структуры, это означает, что функции частично стали сознательными и, благодаря возникшему противодействию, базовая структура психического приобрела измененную или модифицированную форму.

Дифференциация типов начинается в раннем детстве. Например, две установки — экстравертную и интровертную — можно заметить, хотя и не всегда достаточно отчетливо, у ребенка одного-полутора лет. Юнг наблюдал одного малыша, который, прежде чем войти в комнату, требовал назвать ему все находившиеся там предметы: столы, стулья и т.п. Это типично для выраженной интровертной установки, когда объект вызывает страх и его необходимо или убрать, или определить ему место словом или жестом, которые сделают этот объект знакомым и безопасным. Если вы знаете, как следует искать и обнаруживать подобные детали, то нетрудно выявить тенденцию к интроверсии или экстраверсии у совсем маленького ребенка.

Конечно, сами функции в таком раннем детстве еще не проявляются, но к детсадовскому возрасту, по тому, какому виду занятий отдает предпочтение ребенок и как он ведет себя по отношению к другим детям, обычно уже можно определить развитие его ведущей функции. Дети, как и взрослые, имеют склонность заниматься тем, что у них хорошо получается, и избегать того, что им дается с трудом. Наверное, большинство людей поступают так же, как поступала я со своими домашними заданиями: поскольку мне хорошо давалась математика, я занималась ей в первую очередь, оставляя задания по предметам, в которых была слабее, на самый конец. Тенденция откладывать или перекладывать на других дела, в которых чувствуешь себя не на высоте, вполне естественна. Благодаря такому поведению, односторонность имеет тенденцию к возрастанию. Постепенно возникают семейные установки: умный ребенок должен продолжать учиться; ребенок, проявляющий одаренность в практических делах, должен стать инженером. Уже существующие односторонние тенденции, так называемые «способности», усиливаются под влиянием окружающей среды, и таким образом происходит быстрое развитие ведущей функции и медленное угасание других сторон личности. Этот процесс неизбежен и, разумеется, обладает большими преимуществами. Разви-

тие многих людей хорошо укладывается в эту схему, и их тип сразу виден, однако есть люди, тип которых определить очень трудно.

У некоторых проблемы при определении своего типа возникают из-за того, что они принадлежат к искаженным типам. Эти не слишком распространенные ситуации имеют место вследствие того, что человек, который в естественных условиях проявил бы себя как ощущающий или интуитивный тип, вынужден под влиянием окружающей среды развивать другую функцию. Представим себе мальчика, который от рождения принадлежит к чувствующему типу, но растет в семье с большими интеллектуальными претензиями. На него будут оказывать давление с целью воспитать интеллектуала, а его изначальные предрасположения, свойственные чувствующему типу, будут игнорироваться или даже пресекаться. Как правило, такой ребенок не сможет превратиться в человека мыслительного типа, это было бы слишком сильным изменением его личности. Однако у него могут хорошо развиваться ощущение или интуиция, т.е. одна из подчиненных функций, что позволит ему несколько лучше приспособиться к своему окружению, но его ведущая функция в среде, в которой он растет, окажется просто исключенной.

Искаженные типы имеют свои преимущества и недостатки. Главный недостаток заключается в том, что человек с самого начала не может развить свою изначальную предрасположенность, поэтому она не достигает того уровня, которого достигла бы в случае одностороннего развития. С другой стороны, такой человек вынужден опережать время, развивая способности, необходимость в которых возникнет только в его дальнейшей жизни. Проведя соответствующий анализ, такому человеку можно помочь вернуться к изначальному типу. При этом он сможет быстро развить нужную функцию, так как изначальные склонности окажут ему в этом существенную помощь. Человека, которому это удалось, можно сравнить с рыбой, которой выпало счастье вернуться в воду.

Другой особенностью ранних стадий развития ведущей функции является тенденция распределения в семье функциональных обязанностей. Так, один из ее членов играет роль семейного интроверта, другой берет на себя все практические дела, третий выступает домашним провидцем и пророком и т.д. Остальные члены семьи с радостью отказываются от реализации этих функций, так как один из них может это делать гораздо лучше. Такое разделение «обязанностей» приводит к возникновению жизнеспособного, хорошо функционирующе-

го коллектива, и только после его распада входившие в него люди начинают испытывать трудности. В большинстве семей, как и в других группах, существует сильная тенденция решать проблемы, распределяя обязанности и полагаясь на ведущую функцию другого.

Как указывает Юнг, существует тенденция вступать в брак с человеком противоположного типа. Таким образом, на какое-то время супруги избавляются (или думают, что избавляются) от неприятной необходимости использовать свою подчиненную функцию. В начале семейной жизни это оказывает чрезвычайно благотворное влияние и является одним из главных источников супружеского счастья: вдруг исчезает давление подчиненной функции, и супруги начинают жить в благословенном единстве друг с другом, любая проблема легко разрешается. Но если один из супругов умирает, или у кого-то из них возникает потребность развить свою подчиненную функцию, вместо того чтобы продолжать уступать соответствующую сферу жизни другому, начинаются трудности. То же происходит и при выборе аналитика. Люди часто стремятся искать помощи у аналитика, принадлежащего к психологическому типу, противоположному их собственному. Например, человек чувствующего типа, которому трудно думать, восхищается тем, кто умеет это делать. Однако рекомендовать такой подход нельзя, так как если кто-то постоянно общается с человеком, превосходящим его в каком-то отношении, он может полностью положиться на него и потерять желание совершенствоваться самому. Человек может испытывать облегчение от того, что его освободили от обязанности думать, но это не лучшее решение проблемы. Поэтому Юнг старался сводить вместе людей с одинаковыми недостатками. Он утверждал, что два дурака, из которых ни один не может думать, общаясь друг с другом, обязательно попадут в ситуацию, когда, по крайней мере, один из них вынужден будет начать думать! Это справедливо и по отношению к другим функциям: каждый будет надеяться, что необходимую работу за него сделает другой. Аналитику, имеющему дело с клиентом психологического типа, противоположного его собственному, надо быть особенно осторожным и не злоупотреблять демонстрацией своей ведущей функции. Необходимо, скрывая свои истинные возможности, постоянно делать вид, что вы чего-то не знаете, не понимаете, о чем-то не имеете ни малейшего понятия — и т.п. Приходится подавлять свою ведущую функцию, чтобы не парализовать первые робкие попытки пациента использовать свою слабую функцию.

Надо признаться, мы не знаем, что именно определяет изначальные базовые установки. Юнг в конце своей книги «Психологические типы» обращает внимание на возможные биологические параллели. Он приводит в качестве примера два способа приспособления животных к окружающей среде: неограниченное размножение при подавленном защитном механизме (например, блохи, вши и кролики) и немногочисленное потомство при великолепных защитных механизмах (например, ежи и слоны). Таким образом, в природе реализуются две возможности взаимодействия с окружающей средой: вы можете защититься от нее, строя свою жизнь максимально независимо, и можете устремиться во внешний мир, преодолевая трудности и завышая его. Таковы интровертный и экстравертный способы функционирования в биологической сфере.

Я думаю, можно пойти и дальше. Когда Юнг писал свою книгу о типах, существовало сравнительно мало публикаций о поведении животных. Исследования же, изложенные в современных книгах, показали, что в большинстве паттернов поведения животных наблюдается *mixtum compositum* (смешение) факторов. Было выяснено, что одни аспекты поведения животных обусловлены чисто внутренними причинами, т.е. они вступают в игру без какого-либо внешнего стимула, а другие в большой степени зависят именно от внешних стимулов. Генрих Хедигер, профессор зоологии Цюрихского университета и директор Цюрихского зоопарка, в своих недавних лекциях указывал на то, что человекоподобные обезьяны неспособны к половому акту до тех пор, пока не увидят его в исполнении своих сородичей. В то же время у многих других животных ситуация прямо противоположная — необходимости в наблюдениях за спариванием животных своего вида нет, им достаточно внутреннего побуждения. Если в зоопарке высшие обезьяны воспитываются, не видя особей противоположного пола, они остаются такими же несведущими и некомпетентными, какими оказываются в аналогичной ситуации люди. Таким образом, очевидно, что поведение животного частично зависит от внешних факторов, а частично обусловлено врожденными задатками. Поведенческий паттерн является результатом взаимодействия внутренних и внешних факторов.

Проводились эксперименты по инкубации яиц аиста без контакта со стаей. Выпущенные на волю птенцы, вылупившиеся из яиц аистов, летавших в Африку через Югославию, отправлялись в путь также через эту страну, а птенцы, выведенные из яиц птиц, которые летали в

теплые края через Испанию, летели в Африку через Испанию. Это доказывает, что птицы целиком полагались на инстинкт, который подсказывал им, каким путем можно достичь Африки. Но если аиста, вылупившегося из яйца «югославской» стаи, поместить с птицами, летающими через Испанию, он полетит с ними, а не последует своему врожденному инстинкту. Это четко демонстрирует две возможности: можно действовать под влиянием внешних факторов и социального давления и можно следовать врожденным склонностям. Изучение таких предформ типов поведения, открытых у животных, может явиться интересной темой диссертационной работы, так как чтобы ответить на вопрос, как определенная установка возникает у человека, необходимо сначала рассмотреть с этой точки зрения поведение животных.

Мне бы хотелось теперь дать характеристику общего поведения подчиненной функции. Можно сказать, что подобно тому, как ведущие функции имеют тенденцию вести себя определенным образом, так и для любой подчиненной функции характерен общий тип поведения.

Поведение подчиненной функции чудесным образом отражено в сказках с сюжетом следующей структуры. У короля есть три сына. Он любит двух старших, а младшего считает дураком. Король дает сыновьям задание — отыскать живую воду или найти самую красивую невесту, или изгнать тайного врага, ворующего каждую ночь лошадей или золотые яблоки из королевского сада. Обычно сначала два старших сына отправляются выполнять задание и терпят неудачу. Тогда третий сын седлает своего коня, а народ потешается над ним и советует остаться дома на печи, где ему и место. Однако именно ему удается выполнить трудное задание.

Эта четвертая фигура — третий сын (четвертая фигура в структуре) — обладает, согласно мифам, особыми качествами. Иногда он самый младший, иногда глуповат, а иногда просто круглый дурак. Существуют разные версии сказок, но этот персонаж всегда попадает именно в такую категорию. В прекрасной русской сказке, например, он выглядит законченным идиотом. Два старших сына выезжают из конюшни своего отца на чудесных лошадях, а младший берет маленького лохматого пони, садится задом наперед и уезжает, осмеянный всеми. Это, конечно, русский герой Иван, и он-то и унаследует королевство. Есть сюжеты и о калеке, и о солдате, который бежал из ар-

мии, или был ранен и потерялся в лесу. Героем сказки может быть и бедный крестьянин, становящийся королем.

Во всех этих случаях мы имеем дело не просто с четырьмя функциями — дурак представляет собой архетипическую религиозную фигуру, символизирующую не только подчиненную функцию. Эта фигура включает в себя оставшуюся скрытой часть человеческой личности, или даже всей человеческой природы, и потому обладает изначальной природной целостностью. Она символизирует специфическую, преимущественно религиозную функцию. Но поскольку в мифологии дурак в группе из четырех человек появляется четвертым, у нас есть определенное право предполагать, что его образ отражает общее поведение подчиненной функции. При интерпретации сказок я часто пыталась провести дальнейшую конкретизацию и приписать королю мыслительную функцию, а младшему сыну — чувствующую, но, как показывает мой опыт, это не получается. Чтобы заставить данную схему работать, необходимо исказить исходный материал или прибегнуть к каким-нибудь нечестным трюкам. Поэтому я пришла к заключению, что мы не можем идти дальше по этому пути и должны остановиться на том, что в мифологии третий сын, или дурак, символизирует общее поведение любой подчиненной функции, ее общие очертания, а не индивидуальные или специфические черты.

Если перейти к рассмотрению отдельных личностей, можно увидеть, что подчиненная функция имеет тенденцию вести себя на манер такого «глупого» героя: юродивого или простофили. Он символизирует не только презируемую часть личности, нелепую и неприспособленную, но также и ту ее часть, которая осуществляет связь с бессознательным и обладает таинственным ключом к личности во всей ее бессознательной цельности.

Можно сказать, что подчиненная функция строит мост к бессознательному. Она всегда тяготеет к бессознательному и к миру символов. Однако нельзя утверждать, что она направлена только вовнутрь или только вовне — в каждом случае это индивидуально. Например, интровертный мыслительный тип имеет подчиненную экстравертную чувствующую функцию — она направлена к внешним объектам, на других людей, но эти люди имеют для данного типа символическое значение, являясь носителями бессознательного. Символическое значение бессознательного возникает извне, как качество внешних объектов. Если интроверт, с его привычкой к интроекции, говорит, что ему не нужно звонить г-же NN — она всего лишь символ его анимы и,

следовательно, символична, и фактическая личность в данном случае не имеет значения; она просто стала объектом его проекции, — то он никогда не доберется до глубины своей подчиненной функции. И не воспримет это как внутреннюю проблему, поскольку в действительности чувствующая функция у мыслительного интровертного типа обычно экстравертна. Благодаря такой уловке, он просто пытается с помощью ведущей функции овладеть своей подчиненной функцией и загнать ее обратно внутрь. Чтобы обеспечить доминирование своей ведущей функции над подчиненной, он интроецирует объект и делает это в самый неподходящий момент. Интроверт, который хочет интроецировать свою подчиненную функцию, должен вступать в отношение с внешними объектами, имея в виду, что они символичны. Однако ему не следует делать вывод о том, что они *только* символичны и поэтому их можно просто игнорировать. Это неподобающая, нечестная уловка, к которой прибегают многие интроверты во взаимоотношениях со своей подчиненной функцией. Естественно, экстраверты делают то же самое, только наоборот. Таким образом, не следует утверждать, что подчиненная функция всегда направлена вовнутрь. Она стремится к бессознательному, независимо от того, проявляется ли оно внутри или снаружи, и всегда служит хранителем символического опыта, который может придти как изнутри, так и извне.

Описывая общие черты подчиненной функции, необходимо отметить свойственную ей медлительность по сравнению с ведущей. Юнг называет ее инфантильной и деспотичной. Рассмотрим это положение поподробней. Медлительность подчиненной функции является одним из ее главных недостатков и причиной того, что люди ужасно не любят приступать к работе с ней. Ведущая функция реагирует быстро и соответственно обстоятельствам, в то время как многие люди не имеют представления о том, где же на самом деле находится их подчиненная функция. Например, мыслительные типы не знают, есть ли у них чувствующая функция и какова она. Таким людям требуется просидеть полчаса, размышляя о том, испытывают ли они по отношению к чему-то чувства, и если да, то какие именно. Если спросить человека мыслительного типа, что он чувствует, то, как правило, полученный ответ будет содержать только мысль, или данный человек отделается стандартным ответом. А если вы все же будете настаивать и пытаться узнать, что он в действительности чувствует, выяснится, что человек и сам этого не знает. Понадобится не менее получаса, что-

бы вытянуть у него вразумительный ответ чуть ли не из глотки. Другой пример: интуитиву (человеку интуитивного склада), чтобы заполнить налоговую декларацию, нужна неделя, в то время как люди другого типа справятся с этой задачей за день. Он просто не может сделать это, как другие, а если попытается действовать аккуратно и по всем правилам, ему потребуется целая вечность. Мне как-то довелось выбирать блузку с одной моей знакомой — женщиной интровертного интуитивного типа. Больше никогда в жизни не отважусь на такой поступок! На покупку потребовалась вечность, весь персонал магазина был доведен до состояния, близкого к помешательству. Но ускорить этот процесс было невозможно. Проявление нетерпения не помогает. Понятно, что именно так обескураживает нас при взаимодействии с подчиненной функцией: на нее просто не хватает времени.

Этому помочь нельзя. Перешагнуть через данную стадию невозможно. Если человек теряет терпение и говорит: «ну и черт с ним!», это значит, что он не справился с ситуацией. Положение становится безнадежным — стало быть, с четвертой функцией покончено, и она замещается каким-нибудь искусственным механизмом — какими-нибудь «костылями». Ускорить процесс невозможно, разве что чуть-чуть; подчиненная функция никогда не достигает скорости ведущей. Медлительность подчиненной функции обусловлена вполне понятными причинами. Если вы начнете задумываться о поворотном моменте своей жизни, старении и уходе в себя, то поймете, что для замедления всего жизненного процесса необходимым средством является обращение к подчиненной функции. Поэтому к медлительности нельзя относиться с нетерпимостью, не следует пытаться воспитывать «эту чертову подчиненную функцию». Лучше следует принять как факт кажущуюся бессмысленной трату времени. Это — цена за шанс бессознательного появиться в сознании.

Другими типичными аспектами подчиненной функции, также связанными с ее неспособностью к приспособлению и примитивностью, являются ее ранимость и деспотизм. Большинство людей становятся крайне капризными, когда их подчиненная функция затрагивается тем или иным способом; они не могут вынести малейшей критики и всегда чувствуют себя обиженными, теряют уверенность в себе и в результате, естественно, терроризируют всех вокруг — все вокруг должны ходить «на цыпочках». Если вы захотите сказать человеку что-нибудь, затрагивающее его подчиненную функцию, то вступите на скользкую дорожку — ни малейшей критики в свой адрес человек

не потерпит. В этой ситуации требуется *rîte d'entrée* (обряд вступления): нужно дождаться подходящего момента, создать сугубо мирную атмосферу, и только тогда осторожно, с длинной вступительной речью, позволить себе легкую критику, связанную с действием подчиненной функции.

Простое высказывание критического мнения может привести человека в иступленное состояние, довести его до бешенства, и ваши отношения окажутся безнадежно испорченными.

Я впервые с изумлением столкнулась с этим много лет тому назад, когда еще училась. Знакомая студентка показала мне написанную ею статью. Она относилась к чувствующему типу. Статья была очень хорошей, но в одном месте, где она переключалась с одной темы на другую, я заметила разрыв в ходе мысли. То, о чем она говорила, было вполне справедливо, но с точки зрения человека мыслительного типа, не хватало логического перехода. Я сказала, что считаю статью превосходной, но на одной странице можно было бы сделать лучший логический переход. В ответ она чрезвычайно разволновалась и воскликнула: «Все погибло, я это сожгу». И она выхватила статью из моих рук со словами: «Я знаю, это — ерунда, я все сожгу». Мне с трудом удалось вырвать листы из ее рук: «Ради Бога, не надо сжигать ее!» «Не пытайся переубедить меня, — ответила она, — я знала, что тебе все это покажется ерундой», и она продолжала действовать в том же духе. Когда «буря» наконец утихла, и мне удалось вставить слово, я сказала: «Тебе не надо даже ничего перепечатывать. Единственное, что необходимо для логического перехода — это вставить небольшую фразу, всего одно предложение между двумя частями». Буря разразилась с новой силой, и мне пришлось сдаться!

При следующей встрече она рассказала, как всю ночь после нашего разговора ей снилось, что ее дом сгорел, причем огонь начался с крыши. Я подумала: «О, Боже, что за люди эти чувствующие типы!» Для нее написание статьи явилось огромным достижением, а формулирование мыслей практически исчерпало ее возможности. Она была просто неспособна сделать еще хоть что-нибудь! Ведь с моей стороны не было и намека на критику, а лишь совет, как слегка улучшить работу. Этот пример мне кажется экстремальным случаем того, что может произойти с подчиненной функцией. Ее носитель тиранит всех окружающих своей обидчивостью; ведь именно обидчивость, раздражительность и представляют скрытую форму тирании. Чувствительные типы — настоящие тираны: все должны приспосабливаться к ним, а

они сами даже не пытаются приспособиться к другим. Но даже у хорошо адаптированных людей, как правило, все-таки существует чувствительная струна, затронув которую, вы не сможете продолжать разумный диалог, вам придется искать окольные пути, уподобляясь укротителю тигров или слонов.

В произведении Ван Дженнепа *Les Rites de Passage* («Ритуалы перехода») можно найти примеры того, как исследователи приближаются к поселениям первобытных племен. Они вынуждены останавливаться в нескольких милях от селения, после чего к ним выходят трое посланцев. Их следует убедить, что исследователи не имеют никаких дьявольских устройств, и особенно в том, что они не намерены использовать против них черную магию. Затем посланцы удаляются, а после их возвращения происходит обмен подарками. В некоторых случаях дело доходит даже до обмена женщинами, которых предоставляют в распоряжение гостей, устанавливая таким образом подобие родственных отношений. Если гость спит с женой хозяина, то становится его родственником, и его принимают в семью. Такой обычай существует, например, у индейцев племени Наскапи на полуострове Лабрадор. Многие эскимосы предоставляют своих жен в распоряжение гостей на ночь. Цель этого обычая — предотвратить любой взрыв враждебности, исключить саму возможность схватки, в результате которой могут произойти убийства. Представители многих первобытных народов делают надрезы на коже друг друга и как бы обмениваются кровью. Используется специальный способ поцелуев и ритуал обмена подарками. Все эти *rites de passage* (ритуалы перехода) пускаются в ход, как только вы вступаете во взаимоотношения с людьми на уровне их подчиненной функции.

То же самое легко наблюдать и в повседневной жизни. Например, можно знать кого-то в течение двух-трех лет, но общаться с ним только на обычных чаепитиях или обедах, разговаривать только о погоде, политике или на отвлеченные темы, никогда не осмеливаясь касаться болезненных мест друг друга или щекотливых тем. Но однажды можно почувствовать искусственность этих отношений и отсутствие настоящей близости. Тогда после небольшой выпивки, если обстановка благоприятствует, разговор может стать откровенным и собеседники начинают как бы приглашать друг друга открыть свои болезненные места. Так, соблюдая все предосторожности первобытной учтивости, два человека начинают постепенно по-настоящему сближаться. Для определения такой формы поведения я не нашла более удачного вы-

ражения, чем «первобытная учтивость». Именно таким образом следует входить в близкий контакт с другим человеком, ведь болезненные места обычно связаны с подчиненной функцией.

Существует разница между личной вежливостью и первобытной учтивостью. Рассмотрим практический пример. Однажды я ехала в машине с мужчиной интуитивного типа. Мы возвращались домой поздней ночью, и он забыл включить зажигание. Мой спутник снова и снова пытался запустить двигатель, но у него ничего не получалось. Я отважилась вежливо спросить, не забыл ли он включить зажигание. «Разумеется!» — последовал ответ, но с таким раздражением, что я не осмелилась сказать больше ни слова! Такой была реакция его подчиненного ощущения! Мы просидели в машине целых полчаса, и я окончательно убедилась в справедливости своего предположения, но не знала, как ему об этом сказать. Малейший намек на то, что я лучше знаю, что делать, вызвал бы настоящий взрыв. Я чувствовала себя столь беспомощной, что пыталась уйти в гараж. Я даже проверила, залита ли вода, хотя все это время знала, в чем дело, но не смела даже подумать, как обойти его болезненное место. Ведь стоял вопрос о его престиже! Должна заметить, что большая доза алкоголя также внесла свой вклад в его состояние и обострила его реакцию. Кроме того, он был старше меня, и потому я боялась показаться ему невежливой. Но дело было не в простой вежливости — это была проблема личных отношений. Скорее, вопрос касался реального чувства и осознания слабости другой личности, которую я не осмеливалась задеть.

Подчиненная функция, безусловно, связана с болезненными местами, имеющимися в каждом человеке. Если бы мой спутник не обладал ими, он не оказался бы столь чувствительным. Тогда на мой вопрос: «Ты включил зажигание?», он со смехом воскликнул бы: «О, Боже!», тут же исправил допущенную оплошность, и мы бы давно уже были в пути. Вместо этого мы целый час просидели в машине, гадая, в чем заключалась наша ошибка, а я просто не знала, как приблизиться к болезненному месту его подчиненной функции.

Подобные примеры иллюстрируют и другую особенность подчиненной функции, а именно потрясающий заряд эмоций, связанный с ее проявлением. Как только вы попадаете в ее сферу, люди начинают проявлять повышенную эмоциональность. В приведенном примере можно без труда различить негативную сторону связи подчиненной функции с эмоциями, но в этой связи есть и весьма позитивный

аспект. В сфере подчиненной функции присутствует большая концентрация жизни. Если после того как ведущая функция исчерпала себя — начала, как старая машина, дребезжать и давать течь, — человеку удастся найти дорогу к своей подчиненной функции, он сможет открыть для себя новый жизненный потенциал. Все, что относится к сфере подчиненной функции, становится волнующим, драматичным, полным позитивных и негативных возможностей. Огромный, напряженный, потрясающий мир во всей своей реальности предстанет перед подчиненной функцией. Но недостатком обращения к ней является ее плохая адаптация. Именно поэтому в сказках, о которых я упоминала, только дурак, третий сын в группе четырех членов королевской семьи, может найти живую воду или огромное сокровище. Подчиненная функция, если ей позволяют проявиться в своей собственной сфере, приносит в жизнь обновление.

Многие люди на относительно раннем этапе жизни обнаруживают, что именно в сфере своей подчиненной функции они эмоциональны, чувствительны, плохо адаптированы, и у них развивается привычка скрывать эту часть своей личности с помощью суррогатных псевдореакций. Например, мыслительный тип часто не умеет выражать свои чувства естественно, в подходящей манере и в нужное время. Он может расплакаться, узнав о смерти мужа своей приятельницы, но, встретившись с вдовой, не найти для нее ни слова сочувствия. Люди такого типа не только выглядят весьма холодными, они на самом деле ничего не чувствуют! Все переживания были прочувствованы ими дома, а теперь, в нужной ситуации, они не могут их выразить. Мыслительные типы часто считаются бесчувственными. Это совершенно несправедливое мнение. Дело не в том, что у них нет чувств, они просто не могут их выразить в нужный момент. Где-то и когда-то они проявляют свои чувства, но не тогда, когда это следует делать. Большая ошибка также считать, что чувствующие типы не могут думать. Этим людям приходят в голову прекрасные мысли, очень часто глубокие, интересные, искренние, даже оригинальные, но эти мысли являются неуправляемыми. Например, для чувствующего типа очень трудно настроиться на соответствующее мышление во время экзамена. Здесь ему просто необходимо думать, а мысли куда-то испаряются!

Вернувшись домой, он снова обретает способность к мышлению, но мысли с трудом подчиняются ему и не столь дружелюбны, чтобы посещать хозяина в нужный момент. Такой человек часто считается в

обществе глупым, так как не может проявлять способность к мышлению по собственному желанию.

Жизнь безжалостна к проявлениям неполноценности подчиненной функции. Именно поэтому люди демонстрируют такие «маскирующие» реакции. Ведь это не их подлинные реакции, а реакции, заимствованные у коллектива. Чувствующий тип, когда от него настоятельно требуется мыслительная реакция, любит делать много банальных замечаний и высказывать мысли, которые не являются его собственными. Но когда он должен быстро что-нибудь сообразить, его собственные суждения не успевают достичь уровня, на котором их можно было бы выразить словами. Поэтому такой человек просто высказывает несколько расхожих замечаний или, что является обычным для чувствующих типов, использует материал, который знает наизусть. То же справедливо и для мыслительных типов, у которых вырабатывается привычка выражать свои чувства в принятой в обществе форме. Они посылают цветы, дарят шоколад, или делают еще что-нибудь не менее стандартное. Например, при написании письма с соболезнованиями я использую известные фразы, которые мне кажутся выразительными и трогательными. Если бы я попыталась выказать свои подлинные чувства, то просидела бы над письмом три дня! Поэтому во всех подобных ситуациях я смешиваю «коктейль» из обычных «штампов», накопившихся в памяти за всю мою жизнь. То же относится и к интуитивам с их подчиненным ощущением; они имеют с ним дело, применяя привычные наработанные приемы, заимствованные у других людей. Но, пытаясь установить взаимоотношения с человеком, нельзя давать себя обмануть этими адаптивными реакциями. Обнаружить «маскирующие» чувства собеседника всегда можно по их трафаретности, банальности и коллективной стереотипности. В них отсутствует свойство личной убедительности.

Исследуя динамику взаимодействия между функциями, необходимо всегда учитывать влияние, которое ведущая функция оказывает на подчиненную. Когда кто-либо, пытаясь разобраться в своей подчиненной функции, испытывает эмоциональный шок или боль, столкнувшись со своими подлинными реакциями, ведущая функция сразу же отзывается словами: «О! Здесь что-то не так, надо это привести в порядок». Она, подобно орлу, схватившему мышь, пытается овладеть подчиненной функцией и захватить ее в свою сферу. Я знакома с одним ученым-естественником, добившимся в науке больших успехов, мыслительным интровертом, которому в пятьдесят с небольшим

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.